

Юрий Васильев: Я не двойник Миронова

от первого лица

Татьяна Хорошилова

ПОСЛЕ смерти Андрея Миронова Юрий Васильев взял на себя энергетический баланс театра. Он играет в Театре сатиры столько ролей, что его называют «скорой помощью». Как только кто-то из артистов заболевает, его спектакль заменяют спектаклем с участием Васильева. Васильев безотказен. Он растрчивает себя без оглядки. Правда, потом едет в родной Новосибирск, ложится на родную землю и «подзаряжается» от родной почвы. Он в прямом смысле «почвенник».

— Моя мама во время войны окончила театральную студию при новосибирском ТЮЗе, — рассказывает он. — Мама считалась одной из самых красивых женщин Новосибирска. Но уже в 14 лет у нее в волосах появилась седая прядь. Это произошло, когда ее сестра с годовалой дочкой разбилась в самолете.

Мой отец учился на художника и одновременно занимался в театральной студии у Марка Прудкина. Он долго не мог решиться, кем ему быть — художником или актером. Стал художником. Его отец был известным в Сибири адвокатом. В семье деда росло девять детей.

Отец ушел на войну. Его определили в отдел особой важности картографом. Он работал с маршалом Рокоссовским и всегда передвигался в сопровождении двух автоматчиков. Попасть в плен отец не имел права ни при каких обстоятельствах — его должны либо пристрелить, либо защитить — при нем были документы с грифом «совершенно секретно». Когда он пришел с войны, он отбил маму у всех ее женихов, и они расписались.

Заниматься в студии ТЮЗа я начал с восьмого класса. Однажды мне в руки попала книга о Жераре Филипе. Она и решила мою судьбу. Жерар стал для меня кумиром. Меня пригласили в Новосибирское театральное училище, но я поехал учиться на артиста в Москву в «Щуку». А мой брат стал подполковником милиции.

Приехал в столицу в белом костюме и с портретом Жерара Филипа. Это был 1972 год. Дикая жара. Вся Москва в дыму от горящих торфяников. В училище конкурс — 287 человек на место. Но я поступил.

В двадцать два года я пришел в театр. В первый же год у меня было шесть ролей.

Жена

Однажды я увидел знаменитый красноярский ансамбль танца Сибири. Это было в Красноярске. Мы стояли со Спартаком Васильевичем Мишулиным возле гостиницы, а мимо шли три девочки — он позвал их, представил... Ее звали Галина. Это оказалось не просто гастрольным приключением. Я звонил ей каждую ночь. Однажды Галина должна была прилететь в Москву. Я отправил ей телеграмму: «Купил кольца. Жду». Позвонил в аэропорт, узнал, когда будет рейс из Красноярска. Мне ответили, что из Красноярска рейсов в ближайшее время не будет. Я поехал в аэропорт и стал почемучко ждать рейс из Норильска. Но именно на нем Галина и прилетела. Оказалось, что она добиралась кружным путем. Мы уехали ко мне в общежитие. Там у меня была маленькая комната: «Это все, что у меня есть», — сказал я. — Могу обещать, что стану хорошим актером».

Жена на пике своей карьеры оставила профессию, родила сына, занялась домом. Однажды чуть не расстались. Это было в 90-е годы. Я ушел из дома в никуда. Показалось, что наша совместная жизнь исчерпана. Был тяжелый разговор с сыном, когда я сказал ему, что ухожу, и тут увидел его глаза, которые до сих пор забыть не могу. Он задумался.

— У меня на носу серебряная свадьба, и я хочу сделать жене подарок — купить шубу и обвенчаться...

Андрей Миронов

— В 32 года у меня был пик творческой активности, но Татьяна Тарасова мне сказала: «Если ты скажешь себе, что ты артист, ты сразу кончишься. Помни, что есть Андрей Миронов». И у меня моментально все встало на свои места.

Был бы Миронов другим человеком, задавил бы меня.

Говорили про меня, что я в Театр сатиры въехал на белом коне. Я сначала резал правду-матку... Однажды я стал участником конфликта Плучека с Мироновым. Как-то жена Плучека сказала, показывая на меня: «Да вот же Хлестаков».

«Да, он будет играть», — говорит Плучек. А рядом сидит Миронов, который играл Хлестакова. И вот такие игры были все время. Но меня Андрей Александрович уважал. Миронов допускал к себе людей, которые ему были интересны.

Я знаю, как можно уничтожить молодого артиста. Но я никогда в жизни этим заниматься не буду. Если актер бездарь, хам — он погибнет. Такое не проходило за всю мою 27-летнюю историю в театре.

Один молодой актер пришел и сказал: «Я буду играть роли Миронова». А играл он чудовищно. «Ты сыграй сначала роли лакея», — сказал я ему.

Нужно соответствовать, а не зарываться.

Однажды на гастролях Миронов мне вдруг сказал: «Ну что, преемник, будете выносить меня ногами вперед?» Так и случилось.

Однажды Миронов услышал, как его поносил молодой актер за роль Фигаро. Миронов открыл дверь в комнату, откуда доносились слова в его адрес, посмотрел в глаза актеру, который, кроме лакеев, никого не играл, и закрыл снова.

На следующем спектакле Миронов подходил к этому артисту после каждой сцены и спрашивал: «Ну как? Сегодня лучше?»

То, что видел зритель, — результат бешеной работы.

— Вы играете в спектакле «Андрюша», посвященном памяти Миронова. Правда, что вас называют двойником?

— Действительно, ко мне подходят после спектакля и говорят, что я моментами очень на него похож физически. Я проработал с Мироновым 11 лет. Я надеюсь, что близок к нему по внутреннему пониманию профессии. У нас с ним много было общего. Мы оба любили Синатру. Меня, как и его, не взяли в Вахтанговский театр. Общим было и отношение к деньгам. Он их не считал. Особенно за границей.

— Ваши отношения были на «ты» или на «вы»?

— На «вы». Однажды на гастролях он мне вдруг сказал: «Ну что, преемник, будете выносить меня ногами вперед?» Так и случилось.

Сначала умер Папанов. Это было в 1987 году. В тот день, когда умер Папанов, его ждала Надежда Юрьевна Каратаева, его жена, приготовив кефирчик в холодильнике. А он пропал.

Мы подумали: «Ну, может быть, он развязался». Когда-то об их загулах с Весником ходили легенды. Накануне он говорил мне: «Я устал, смертельно устал». Он еще снимался в «Холодном сердце 53 года» и, видимо, войну вспомнил... И вдруг

■ У Юрия Васильева с Андреем Мироновым было много общего.

ли в Склифосовского, но врачи сказали, что не дадут нам его вывезти, пока они не простятся.

Потом что было, помню плохо, потому что упал в обморок. Была толпа.

Вечером я улетел на гастроли. На следующий день играл. И врачи говорили: «Этот мальчик следующий». На открытии памятника Папанову Ширвиндт сказал: «Закончился театр Миронова и Папанова». Энергетически я взял спектакли и повел дальше репертуар театра.

Но перед этим у меня был нервный срыв. Я два месяца после смерти Папанова и Миронова лежал в больнице в неврологии. У меня была депрессия. Некоторые думали, что я притворяюсь. Катя Градова, первая жена Миронова, откуда-то из Сенежа привезла старца Сергия. Он со мной поговорил, и мне стало легче.

— После смерти Миронова Плучек вам предложил все его роли?

— Плучек действительно меня считал преемником ролей Андрея Миронова и предложил почти все его роли. Я отказался: «Это значит ложиться под трактор». Ведь все будут меня сравнивать с Мироновым...

— Вы энергетически подхватили спектакли — в каком смысле?

— Это центральный герой, на котором держится спектакль. Это лидер спектакля, и я занял это место. Меня все время сравнивали с Мироновым. Я не хочу быть Мироновым. Я хочу быть Юрием Васильевым.

— Чего вы не стесняетесь рассказывать?

— Я не стесняюсь говорить, что у меня были проблемы с алкоголем. Я не знал меры. Мне это вредило. Я сказал себе стоп! Теперь я спокойно смотрю, как другие наливают. Кто-то может пить по рюмочке, я не умею. Мне эти уже полеты не нужны.

— Вы были на похоронах?

— Я не гроб стелом Миронова. Несли Горин, Кобзон, Ширвиндт... В день похорон мы поеха-